ЛАБИРИНТЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА: ИДЕНТИФИКАЦИЯ УСКОЛЬЗАЮЩЕГО СМЫСЛА*

В.А. Емелин

Основная проблема исследователей, пытающихся концептуализироать сущность постмодернизма, состоит в отсутствии достаточно четкого представления не только о пути к поставленной цели, но и о самом предмете. Большинство употребляющих этот термин, не утруждая себя прояснением смысла ускользающего понятия, наделяет его любым удобным ad hoc значением. Возникает парадоксальная ситуация: постмодернизм превратился в ярлык, который можно навесить практически на все, что угодно. Подобное положение дел требует разъяснения сущностных характеристик постмодернизма для обозначения выхода из лабиринта[1], в котором оказались исследователи современной культуры[2]. Итак, предпримем попытку идентифицировать это одновременно превознесенное и дискредитированное понятие, смысл которого ускользает в бесконечных интерпретациях.

Исходным пунктом рассуждений будет требующее дальнейшей конкретизации утверждение, в общих чертах сводимое к следующему. *Постмодернизм* – мировоззрение, выражающее основные тенденции, установки и ориентиры современного общества. Постмодернизм как комплексное идейное течение представляет собой квинтэссенцию духа времени, пронизанного ощущением неприемлемости в новых социокультурных реалиях господствовавших ранее представлений о мире и человеке. Главной отличительной чертой постмодернизма считается исходная установка на невозможность описания мира как некого целого с помощью каких-либо общих теорий, претендующих на истинное, единственно верное знание о действительности.

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 10-06-00543а.

[1] Лабиринт – образ-метафора постмодернизма – один из центральных элементов системы понятий философского миропонимания Х.Л. Борхеса (см. эссе: «Сад расходящихся тропок», 1944, «Дом Астерия», 1949; «Абенхакан эль Бохари, погибший в своем лабиринте», 1949 и др.) и У. Эко (см.: «Имя розы», 1980; «Заметки на полях “Имени розы”», 1983; «Путешествия в гиперреальности», 1987; «Пределы Интерпретации», 1990; «Остров прежнего дня», 1994; «Поиск совершенного языка», 1995 и др.).

[2] См.: *Бизеев А.Ю.* Переход и переходность в культуре постмодерна: Философствование постмодернизма и современная культура // Знание: Понимание: Умение (электронный журнал). 2009. № 4: Культурология.

Итак, изначальное знание о лабиринте таково: под постмодернизмом будет пониматься не какое-то отдельное течение в литературе, архитектуре, науке и т.д., а *общее выражение мировоззрения конкретной эпохи, которая, собственно, и носит название постмодерн*. Как правило, принято различать два понятия – постмодерн, что буквально означает период, наступающий после модерна; и постмодернизм, означающий самосознание культуры на данном историческом этапе.

Термины «постмодерн» и «постмодернизм» образуются с помощью приставки «пост». Такой способ образования философских, равно как и находящихся за пределами философии понятий, получил распространение в конце XX в. Термины, образованные таким образом, (постструктурализм, постпозитивизм, постиндустриализм, посткоммунизм и т.п.) являются парадоксальными, поскольку они не указывают напрямую на свою сущность, свой предмет, а лишь фиксируют связь с содержанием непосредственно предшествующего понятия. Как правило, эта связь представляет собой своеобразное отрицание, которое в отличие от диалектического или негативного отрицаний состоит в том, что оно не преодолевает предшествующую форму, а ограничивает ее значение. Исходя из этого, можно заключить, что понятия, начинающиеся с приставки «пост», не предполагают элиминации предыдущих состояний – скорее речь идет о переходе на новый качественный уровень с сохранением достижений минувшего, причем последний уже теряет свое право на всеобъемлемость и исключительность.

Понимание смыслового содержания приставки «пост» – это отправная точка на пути раскрытия сущности постмодернизма. Такое понимание поможет избежать отождествления постмодернизма с антимодернизмом, в результате чего произошло бы полное отрицание рациональных категорий модернистской философии. Отрицание модернизма – это нигилизм; в рамках этой парадигмы снимаются все вопросы, которые организовывают предмет этой статьи.

Немалые проблемы в лабиринтах определения смысла понятия «постмодернизм» обусловлены многозначностью трактовок модерна. От того, что будет пониматься под модерном и модернизмом, будет зависеть понимание постмодерна и постмодернизма. Эту зависимость можно проиллюстрировать на примере позиции А.В. Гулыги, который, исходя из перевода постмодерна как «постсовременность», заявляет, что данный термин неудачен: «“Post” означает “после”, а после современности возникает новая современность, ничего другого быть не может!»[3]. В связи с этим А.В. Гулыга предлагал ввести понятие

[3] См.: *Гулыга А.В.* Что такое постсовременность // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153.

«сверхсовременность», которое должно нести более ясную смысловую нагрузку, чем термин «постмодерн». Но вряд ли подобные нововведения имеют большой смысл – призванные прояснить сущность спорного понятия, они на деле лишь еще более затуманивают ее. Зачем умножать термины? Как отмечает Л.В. Карасев, «удачен термин “постмодернизм” или нет – не столь важно: мы понимаем, о чем идет речь, и это уже немало»[4]. Хотя следует добавить: понимаем лишь приблизительно, но по крайней мере можно утверждать, что этот термин стал для нас привычен. Да и суть не в том, как мы назовем то или иное явление, а в том, что мы будем под ним понимать. К тому же подход А.В. Гулыги основывается лишь на одном из вариантов перевода слова «модерн». Поэтому, чтобы раскрыть содержание понятия «постмодерн», немаловажно отчетливо представлять, что подразумевается под термином «модерн». И здесь мы сталкиваемся с терминологической проекцией лабиринта.

Прежде всего следует отметить, что слово modern, переводящееся как «современный», имеет два различных смысловых значения: первое соответствует современному «отвечающий требованиям времени», а второе обозначает довольно широкий круг культурных явлений. В самом узком смысле под модерном понимается художественно-литературное движение конца XIX – начала XX в. В более широком смысле понятие «модерн» обозначает определенный исторический период, отождествляемый с Новым временем (Modernity) – эпохой, следующей за Античностью и Средневековьем, которые в совокупности можно назвать pre-modernity (предмодерн). Модерн как историческая эпоха характеризуется особым философским и научным мировоззрением – модернизмом, символизируемым такими фигурами, как Ф. Бэкон, Р. Декарт, И. Ньютон, Г.В.Ф. Гегель, К. Маркс, З. Фрейд и др. Основной идеей этого мировоззрения была вера в возможность человеческого разума познать мир как некое целое, как единую систему, подчиняющуюся определенным объективным законам, а также убеждение в том, что выявление основных законов природы и общества не только будет способствовать историческому прогрессу, но и даст право на переустройство мира в соответствии с ними. Таким образом, модернизм в своих теоретических построениях исходит из того, что человеку доступно абсолютное знание, которое можно воплотить в реальность.

Здесь следует отметить, что подобная установка возникла намного раньше, чем собственно мировоззрение Нового времени, скорее в эту эпоху она получила наиболее полное теоретическое и практическое воплощение. Данный фактор нельзя упускать из виду, так как от него во многом зависит, что следует понимать непосредственно под

[4] *Карасев Л.В.* Сегодня и завтра. Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. М., 1993. № 3. С. 12.

постмодернизмом: состояние конкретной исторической эпохи, наступившей после модерна и ставящей своей целью его преодоление, или это идейное течение, одной из задач которого является критика основополагающих категорий европейской философской мысли, итогом развития которых и стал модерн.

На деле постмодернизм нельзя сводить только лишь к отрицанию модернизма: во-первых, потому, что данный подход редуцирует сложное культурное явление до уровня негативной критической теории предшествующей эпохи; во-вторых, потому что критическая мысль постмодернизма направлена не столько на развенчание мировоззрения Нового времени, сколько на отказ от любых общих идей, метафизических построений, пытающихся вписать реальность в жесткие теоретические схемы и упорядочить мир в соответствии с ними.

Попытки применить к действительности созданные человеческим разумом идеальные конструкты, как уже отмечалось выше, начались не с рационализма Нового Времени, не с Просвещения с его верой в прогресс; они восходят к древнегреческой философской и научной мысли. Собственно говоря, первым мыслителем, поставившим идеальный мир над реальным, можно считать Пифагора, для которого идеи-числа были более реальны, чем чувственные объекты. Именно отсюда берет начало вера в вечные и совершенные интеллигибельные истины, влияющие на действительность, которые во многом определили направление развития европейской цивилизации и привели к тому тупиковому состоянию культуры, которое констатировал постмодернизм[5]. Модерн – это ворота в лабиринт постмодерна, а главный поворотный пункт, изменивший его архитектонику, превративший геометрию в ризому, фиксируется лаконичной констатацией Т. Адорно: «…после Аушвица метафизика низвергается со своего традиционного пьедестала».

Здесь следует подчеркнуть еще один немаловажный фактор, которого мы коснулись выше: модерн – это не только конкретная историческая эпоха, это определенная мировоззренческая позиция, которая рассматривает историю как процесс восхождения от низших форм к высшим, причем новая ступень развития должна «преодолевать» или даже отменять предшествующую. Собственно говоря, уже в этимологии слова модерн заложен приоритет настоящего перед прошлым, которое рассматривается как нечто изжившее себя и подлежащее замене. Таким образом, можно сделать вывод, что модерн – это эпоха, отличительной чертой которой является ориентация на новое, которое должно исправить «заблуждения» минувшего и в свою

[5] Подобные взгляды, согласно которым модерн начинается не с Просвещения, а с Пифагора, можно обнаружить в сочинениях 1795–1797 гг. Ф. Шлегеля, ставших значимыми для теории модерна. См.: *Козловски П.* Культура постмодерна. М., 1997. С. 40.

очередь стать фундаментом для будущего развития, конечная цель которого, по-видимому, будет чем-то сродни установлению «царства Божьего» на земле. Идеологии модерна свойственно видение истории как единой прямой восходящего прогресса; в этом сходятся как гуманисты эпохи Возрождения, так и просветители и марксисты: все они были склонны к созданию социально-научных утопий, к построению «земных эдемов».

Завершая обзор значений термина «модерн», нельзя не обозначить еще один вариант его трактовки. Как отмечает П. Козловски, существует предельно широкое толкование, отождествляющее модерн с эпохой христианства. Так, христиане периода поздней античности называли себя moderni в отличие от язычников, которых они называли antiqui. В соответствии с пониманием модерна как века христианства понятия «современное» и «христианское» П. Козловски предлагает рассматривать как синонимы. А если принять во внимание тот факт, что христианское понимание истории рассматривает Ветхий завет и Новый завет как единое целое, то эпоха модерна начинается уже с изгнания первого человека из рая[6]. Исходя из этого, человека можно считать современным существом уже со времени «вкушения запретного плода» с древа познания.

Данное толкование не имеет в настоящее время широкого распространения, тем не менее оно используется в поисках определения понятия «постмодерн». Так, например, ему созвучна позиция Г. Рормозера, характеризующего нынешнюю эпоху не только как «постмодерную», но и как «постхристианскую». Он утверждает, что мир более нельзя называть огульно христианским или нехристианским: одно неуловимо перетекает в другое, так что практически невозможно провести грань между ними. «Мы находимся в исторически беспримерном положении – заявляет он, – ибо нехристианами или антихристианами мы не являемся, а суть постхристиане»[7]. Таким образом, трактовка модерна как христианской эпохи имеет под собой определенные основания и открывает еще одну грань содержания понятия «постмодернизм».

Итак, даже при беглом рассмотрении значений термина «модерн» можно сделать вывод, что не существует единого понимания, продолжаются споры и дискуссий. Тем не менее попытаемся обозначить свою позицию и высказать обобщенную интерпретацию содержания понятия «модерн». Имеет смысл рассматривать модерн не как отдельный исторический период (вышеприведенный обзор показал, что практически невозможно четко определить его хронологические

[6] См.: *Козловски П.* Современность постмодерна // Вопросы философии. 1995. № 10. С. 87.

[7] *Рормозер Г.* Ситуация христианства в эпоху «постмодерна» глазами христианского публициста // Вопросы философии. 1991. № 5. С. 85.

границы), а как некий *исторический проект*, берущий свое начало в Древней Греции, проходящий сквозь христианскую эпоху и обретающий наиболее полное воплощение в Новое время. Этот исторический, а значит и мировоззренческий, проект, который можно обозначить удачным выражением Ю. Хабермаса как «проект модерна», обладает следующими чертами:

– стремление к созданию универсальной картины мира, сводящей все многообразие действительности к единым основаниям;

– убеждение в доступности человеческому разуму абсолютного знания об этих основаниях;

– стремление к полному воплощению этого знания в действительность;

– убеждение, что такая реализация будет способствовать увеличению человеческого счастья;

– уверенность в поступательном развитии человечества, в приоритете настоящего перед прошлым, а будущего перед настоящим.

Трактовка модерна как исторического проекта, напрямую не связанного хронологическими рамками, поможет решить ряд проблем многозначности данного понятия. Подобное понимание модерна согласуется и с тем фактом, что наряду с главенствующими модернистскими тенденциями во всех периодах европейской истории, начиная с Античности, присутствуют и антимодернистские веяния. Так, в Новое время, когда господствовало модернистское мировоззрение, творили такие фигуры как маркиз де Сад, Ф. Ницше, Дж. Джойс и другие, чье творчество с трудом вписывалось в сложившиеся мыслительные практики (равно как и в постмодернистском обществе присутствуют значительные фрагменты модернистского мышления). Этот фактор нельзя сбрасывать со счетов, и если рассматривать модерн как отражение всего мировоззрения Нового времени (или какой-либо другой эпохи), то включенными в модернистский дискурс оказываются и те идеи, которые по своему духу модернистскими не являются. Подобного рода смешения можно избежать в том случае, если под модерном понимать определенные тенденции, пронизывающие всю историю европейской цивилизации и имеющие разную степень воплощения в различные ее периоды. Предлагаемая интерпретация понятия «модерн» также будет способствовать более полному раскрытию содержания термина «постмодерн».

Обратимся к вопросу, когда зарождается постмодернистское мировоззрение, где та хронологическая грань, которая разделяет эпохи модерна и постмодерна. Новый виток лабиринта неопределенности, прослеживающийся в вариантах ответов на данный вопрос, препятствует осмыслению определяющих факторов постмодерна: не так просто четко обозначить время, когда модерн уже стал прошлым, а постмодерн в

полной мере вошел в свои права. Первое затруднение, которое возникает при рассмотрении данного вопроса, связано с возникновением термина «постмодерн».

Термин «постмодерн» был впервые употреблен в 1917 г. немецким философом Р. Панвицем применительно к эре новых людей, призванных преодолеть упадок европейской культуры. Но в данном случае мы имеем лишь парафраз ницшеанской идеи «сверхчеловека». Если отвлечься от спорадических употреблений данного понятия (например, постмодерн фигурировал у Ф. де Ониза в 1934 г. и у А. Тойнби в 1947 г.[8]), то в дальнейшем мы сталкиваемся с ним 60-х гг., когда в ходе литературоведческой дискуссии в США постмодерном обозначали кризисное состояние авангардистской литературы, а затем, придав ему положительный смысл, с ним связали надежды на преодоление этого кризиса[9].

После «студенческих революций» 1968 г. журналист Л. Фидлер вновь использует рассматриваемое понятие на страницах журнала «Плейбой» в статье «Пересекайте границу, засыпайте рвы». Приблизительно в это же время постмодерном начали называть новый архитектурный стиль, сочетающий в себе последние достижения с традиционными элементами, возникший как реакция на безликую рациональность функционалистской архитектуры и отражающий тягу человека не только к удобству, но и к зрелищности, к эстетическому удовольствию[10].

Как видно из вышесказанного, термины «постмодерн» и «постмодернизм» не сразу приобрели нынешнее смысловое значение; приблизительно до конца 70-х – начала 80-х годов ими обозначались какие-то отдельные культурные явления и события, но никак не мировоззрение эпохи в целом. Соответственно не входил этот термин и в область рассмотрения философии. Впервые статус философского понятия постмодернизм получает в книге Ж.Ф. Лиотара «Состояние постмодерн», вышедшей в свет в 1979 г., в которой данный термин употребляется уже применительно к выражению «духа времени» (fin du siècle). Лиотар говорит: «Предметом этого исследования является состояние знания в современных наиболее развитых обществах. Мы решили назвать его “постмодерн”. Это слово… обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве, в конце XIX века»[11]. Таким образом, Ж.Ф. Лиотар связывает

---

[8] См: *Пантин В.И.* Ритм общественного развития и переход к постмодерну // Вопросы философии. 1998. № 7. С. 3.

[9] См.: *Гулыга А.В.* Что такое постсовременность // Вопросы философии. 1988. № 12. С. 153.

[10] См.: *Дженкс Ч.* Язык архитектуры постмодернизма. М., 1985.

[11] *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М., 1988. С. 9.

постмодернизм с ощущением изжитости основных принципов, или *метанарративов*, на которых базировалась западная цивилизация.

Метанарратив – это особый тип дискурса, возникший в эпоху модерна и претендующий на особый статус по отношению к другим дискурсам (наррациям), стремящийся утвердить себя не только в качестве истинного, но и в качестве справедливого, т.е. существующего на законных основаниях. Этим термином и с ним связанными «метарассказ», «метаповествование», «метаистория», «метадискурс» Лиотар обозначает все те «объяснительные системы», которые, по его мнению, организуют буржуазное общество и служат для него средством самооправдания, – религию, историю, науку, психологию, искусство (иначе говоря, любое «знание»). Согласно Лиотару, о ситуации «постмодерн» можно говорить «как о недоверии в отношении метарассказов»[12], разочаровании в них. Именно в устарелости метанарративного способа обоснования легитимности французский мыслитель видит причины кризиса метафизической философии.

Таким образом, главной отличительной чертой эпохи постмодерна, по Ж.Ф. Лиотару, будет эрозия веры в «великие метаповествования», легитимирующие, объединяющие и тотализирующие представления о современности, среди которых в качестве основных он выделяет гегелевскую диалектику духа, эмансипацию личности, идею прогресса, просветительское представление о знании как о средстве установления всеобщего счастья и т.п.

Характеризуя эпоху постмодерна, Ж.Ф. Лиотар рассматривает ее как свершившийся факт, он констатирует тенденции, которые уже утвердились в обществе, поэтому связь возникновения постмодернистского мировоззрения с введением в область философии «постмодерна» в качестве понятия, на наш взгляд, не будет соответствовать реальному положению вещей. Мы склоняемся к мнению, что становление постмодернизма как особого ощущения новых жизненных реалий начинается приблизительно в конце 60-х гг. XX в. Именно в этот период происходит некий перелом в сознании людей, пусть еще пока до конца не осмысленный теоретически и не обозначенный в качестве постмодернистского, но тем не менее уже имеющий место как исторический факт, выражающий не единичные случаи, а общие настроения. Вхождение постмодернистской эпохи в свои права представляет собой постепенный, незаметный процесс, да и кто, собственно, сказал, что перелом истории происходит тогда, когда на улицах раздаются выстрелы, строятся баррикады и дымят костры, на которых догорают старые истины? В отличие от революций Нового

[12] См. там же. С. 10.

времени переход к эпохе постмодерна не является радикальным, четко обозначенным хронологически событием. Растянутое во времени, повторяем, с конца 60-х гг., оно, по-видимому, продолжается до сих пор.

Здесь следует отметить, что нередко высказываются мнения, что постмодернизм вообще не следует связывать с какой-то конкретной эпохой, что постмодернистские взгляды можно обнаружить еще задолго до его непосредственного появления. Так, виднейший теоретик постмодернизма У. Эко выдвинул предположение, что «постмодернизм не фиксированное хронологически явление, а некое духовное состояние... В этом смысле, – продолжает он, – правомерна фраза, что у любой эпохи есть собственный постмодернизм»[13]. Созвучен позиции У. Эко взгляд Н.С. Автономовой, которая оценивает постмодернизм как периодически повторяющееся в западной культуре ощущение некой новизны[14].

Подобные мнения скорее всего основываются на том, что к постмодернистам причисляются фигуры, чье творчество имеет «маргинальный» характер по отношению к господствующим установкам их времени. Так, в числе постмодернистов оказываются не только Ф. Ницше, Дж. Джойс, Ф. Кафка, Х.Л. Борхес, что в принципе можно понять, но и даже святой Августин, как у канадских политологов Ф. Кроукера и Д. Кука[15], а американский культуролог П. Мюнц ведет историю постмодернизма от Ж. де Местра, еще в конце XVIII в. объявившего, что не существует человечества как единого целого, тем самым признав эфемерность обобщений, претендующих на универсальность. В общем, как иронично заметил А. Зверев, постмодернизм теперь обнаруживают разве что не у античных авторов[16], так что к словам Эко: «…у любой эпохи есть собственный постмодернизм» – не следует подходить буквально, стоит принимать их в переносном смысле – и прежде всего потому, что былые «постмодернизмы» всегда были достаточно *локальны*. А новейший постмодернизм впервые отмечен *глобальностью* и потому не нуждается в кавычках[17]. А глобальным он становится только с конца 60-х гг. XX в., когда и начинается новый период в истории Западной цивилизации – эпоха *постмодерна*.

Аргументируем это предположение: почему именно концом 60-х гг. предлагается датировать возникновение постмодернизма, или, если быть точнее, его первого этапа, на котором была сформирована идеологическая основа этого течения.

---

[13] *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / / Имя розы. М., 1997. С. 635.

[14] См.: *Автономова Н.С.* Возвращаясь к азам // Вопросы философии. 1993. № 3. С. 17–23.

[15] См.: *Цурина И.В.* Социально-политический контекст философии постмодернизма. М., 1994. С. 4.

[16] См.: *Зверев А.* Черепаха Квази // Вопросы литературы. 1997. № 3. С. 3.

[17] См: *Затонский Д.* Постмодернизм в историческом интерьере // Вопросы литературы. 1996. № 3. С. 197.

Главными историческими событиями, с которыми можно связать начало становления эпохи постмодерна, – это изменения, произошедшие в экономически развитых странах во второй половине 60-х гг., которые можно в общем виде охарактеризовать как начало перехода от индустриального общества к постиндустриальному, или информационному, обществу. Именно тогда начинают развиваться новейшие электронные технологии, которые и составили базис культуры постмодерна.

Постмодернизм является технологическим феноменом, и влияние новейших электронных технологий на жизнь общества и отдельного человека столь велико, что попытка абстрагироваться от них при рассмотрении любой области жизни XXI в. едва ли выглядит разумной. Постмодернизм стремится осмыслить и воплотить в жизнь технологический характер новой реальности. Если обратиться к классической работе Ж.Ф Лиотара «Состояние постмодерна», то мы увидим, что вхождение общества в постсовременный период он связывает с процессами всеохватывающей информатизации, которые стали одной из причин изменения статуса знания и возникновения специфического постмодернистского видения мира[18].

Другой причиной, по которой предлагается считать конец 60-х гг. временем возникновения постмодернизма как массового умонастроения, является то, что именно тогда происходит окончательное разочарование в возможности насильственного переустройства мира согласно «великим историческим проектам», начиная с проекта К. Маркса и заканчивая проектом Г. Маркузе. Переломной точкой в данном случае послужили социально-политические события, произошедшие в 1968 г. Особенное значение здесь имеют майские волнения во Франции – выступления леворадикальных сил, требующих революционного переустройства общества. Движение протеста, основу которого составляла студенческая молодежь, вдохновленная разворачивающейся в Китае «культурной революцией», идеей Э. Че Гевары о возможности «революции без бюрократии», теориями «спонтанности революционного действия», восходящими к Бакунину и Прудону, а также теорией Г. Маркузе о решающей роли маргинальных групп в социально-политическом преобразовании буржуазного общества, столкнулось с отлаженными механизмами власти и оказалось неспособным претворить свои требования в реальность.

Май 1968 г. вызвал большой резонанс в среде французских философов, которые расценивали эти события как выражение кризиса всего западного общества. Попутно ими был поставлен вопрос об ответственности интеллектуала за свои идеи, которые обретают в обществе не зависящую от него жизнь и зачастую становятся

[18] См.: *Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. С. 14–23.

причинами человеческого горя. Поражение леворадикальных сил в 1968 г. имело своим следствием отход от идеалов революционного преобразования и вульгарных версий марксистской теории, да и вообще разочарование в самой возможности изменения общества по «модернистскому сценарию». Таким образом, майские события 1968 г. можно считать условным рубежом, символизирующим начало становления постмодернистского мировоззрения. Кроме того, с этими событиями связывается оформление в самостоятельное идейное течение постструктурализма, непосредственно сформулировавшего философскую базу постмодернизма. Также нельзя не отметить влияние 1968 г. на формирование школы «новых философов» во Франции, которая является одной из версий постмодернистской философии.

1968 г. отмечен не только событиями во Франции – он печально знаменит и другими социально-политическими потрясениями, влияние которых прослеживается и по сей день. Речь идет о «Пражской весне», когда под гусеницами танков окончательно погибла вера в социализм «с человеческим лицом». Также имеются в виду волнения в американском обществе, связанные с осознанием бессмысленности и трагичности Вьетнамской войны, ставшей парадигмальным образцом всех войн, в ходе которых обусловленные имперскими амбициями попытки развитых стран навязать свою «прогрессивную» идеологию «отсталым» государствам и народам оборачивались крахом и внутренними социальными взрывами. Все эти события наложили неизгладимый отпечаток на самосознание европейской культуры и в дальнейшем послужили одной из причин пересмотра и изменения ее мировоззренческих установок.

Становление постмодерна связано не только с социально-политическими процессами в обществе. Как известно, индикатором смены эпох всегда являлось возникновение новых течений в искусстве. «Именно в духовной культуре – отмечают Л. Зыбайлов и В. Шапинский, – начинает складываться модели постмодернистской ментальности, которые наиболее рельефно показали себя в искусстве, где расшатывались модернистские догмы и выворачивались наизнанку стереотипы модернистско-авангардистской логики»[19].

Вторая половина 60-х гг. ознаменована утверждением и распространением принципиально отличных от существовавших ранее форм и подходов в сферехудожественной деятельности, которые стали выразителями начального процесса постмодернистских трансформаций западного общества. Особенно ярко это прослеживается в области литературы. В 60-х гг. такие авторы, как В.В. Набоков, А. Роб-Грийе, Д. Барт, Х. Кортасар, Т. Пинчон, У. Берроуз, К. Воннегут, Ф. Дик и другие,

[19] *Зыбайлов Л.К., Шапинский В.А*. Постмодернизм. М., 1993. С. 4.

независимо друг от друга, создают литературные произведения, которые оказываются довольно близкими по духу. Их книги роднит специфический «стиль письма», характерными чертами которого являются смешение жанров, отсутствие заданной структуры, цитатность, ирония или «пастиш». Этот особый стиль и принято считать проявлением постмодернизма в литературе. Не менее отчетливо постмодернистские тенденции наблюдаются в этот период и в архитектуре, где к концу 60-х гг. постмодерн закрепился уже как самостоятельный стиль.

Нельзя не отметить проявлений постмодернизма в науке. Так, постмодернистской по духу является гипотеза И. Пригожина о нестабильности Вселенной, исходя из которой мир находится в неустойчивом равновесии, балансируя на грани порядка и хаоса[20]. Взгляды Пригожина заложили основу теории самоорганизации (синергетики), коренным образом пересматривающей традиционные подходы в области естествознания[21]. Следует назвать и фрактальную геометрию Б. Мандельброта, положившую начало мировоззренческому прорыву в способах объяснения природы[22]. В общем для постнеклассической науки характерны отказ от господствовавшего представлении о мире как о ригидном универсуме, подчиненном сумме неизменных законов, в котором нет места хаосу, неустойчивости, нелинейности, неопределенности, и переход к его пониманию в качестве постоянно меняющейся, аморфной, многовариантной в своем развитии и бесконечно сложной реальности.

Происходящие в обществе и культуре изменения не могли остаться вне поля зрения философии: во Франции возникает новое идейное течение, которое получило название *постструктурализм*. Уже в самом термине выражается определенная реакция на структурализм – влиятельное течение 50–60-х гг., из которого непосредственно и вырастает постструктурализм. Последний, развивая идеи структурализма, вместе с тем ставит задачи по преодолению его основных положений, в основном связанных с понятием «структура». По мнению постструктуралистов, к которым относят Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барта, Ж. Делеза и других, понятие структуры упорядочивает и фиксирует действительность, а тем самым вписывает ее в жесткие рамки и лишает возможности изменения.

Наиболее ярко идеи постструктурализма выражены в работах Ж. Деррида. Именно им был заложен философский базис не только самого постструктурализма, но

---

[20] См.: *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.

[21] См: *Князева Е.П., Курдюмов С.П.* Синергетика как новое мировидение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12. С. 3–20.

[22] *Mandelbrot B.B.* The Fractal Geometry of Nature. Freeman; San-Francisco, 1982

и постмодернизма в целом. Исходным понятием концепции Деррида является *деконструкция*. Оценивая современное состояние философии как кризисное в связи с исчерпанностью ее классических форм, философ видит выход в новом методе – деконструкции, которая должна расширить горизонты философской мысли. По мнению Деррида, европейская философия оказалась в тупике ввиду того, что не может выйти из выбранного круга проблем, пытаясь ответить на одни и те же вопросы. Философская мысль Запада оказалась «заключенной в карцер» своего категориального аппарата, жестко определяющего методы познания действительности и навязывающего свой смысл любому рассматриваемому явлению. Единственный способ преодоления навязанных реальности смыслов Деррида видит в их деконструкции с помощью глубинного анализа языка, направленной на уничтожение «привнесенного», связанного с исторической и культурной традицией, линейностью и прогрессивизмом.

Другим ключевым понятием для постструктурализма, а равно как и постмодернизма, получившим разработку в трудах Деррида, является *децентрация*. По его мнению, любая структура предполагает фиксацию относительно некоторой центральной точки. Децентрация – это попытка разомкнуть, рассеять структуру, сделать ее открытой. Как отмечает Г.К. Костиков, свою задачу французский философ видел прежде всего в том, «чтобы оспорить непререкаемость одного из основополагающих принципов европейского культурного сознания – принципа «центрации». Действительно, нетрудно заметить, что имея дело с любыми оппозициями (белое/черное, мужчина/женщина, душа/тело, содержание/форма, означаемое/означающее, денотация/коннотация и т.п.), мы невольно стремимся поставить в привилегированное положение один из членов этих оппозиций, сделать на нем ценностный акцент. Принцип центрации пронизывает буквально все сферы умственной деятельности европейского человека: в философии и психологии он приводит к рациоцентризму, утверждающему примат дискурсивно-логического сознания над всеми прочими его формами, в культурологии – к европоцентризму, превращающему европейскую социальную практику и тип мышления в критерий для суда над всеми прочими формами культуры, в истории – к презенто- или футуроцентризму, исходящему из того, что историческое настоящее (или будущее) всегда лучше, прогрессивнее прошлого, роль которого сводится к подготовке более просвещенных эпох и т.п.»[23]. Таким образом, из вышесказанного следует, что децентрация по сути дела означает пересмотр фундаментальных принципов

[23] *Костиков Г.К.* Ролан Барт – семиолог, литературовед // *Барт Р.* Избранные работы: семиотика, поэтика. М., 1989. С. 35–36.

модернизма и является первым шагом для формирования постмодернистского мировоззрения.

Возвращаясь к вопросу возникновения постмодернизма, отметим следующее: хотя постструктурализм и опережает появление философии постмодернизма на десять лет, тем не менее логика диктует нам, что постструктурализм по своему духу, идейной направленности и методологии является первой моделью постмодернистского мировоззрения. И главным будет не название той или иной концепции, а ее фактическое содержание. Постмодернизм как философское течение вырастает из постструктурализма и настолько тесно с ним связан, что провести четкую грань между ними довольно затруднительно. Вся философская проблематика, разрабатывавшаяся в лоне постструктурализма, перекочевала в более поздние постмодернистские теории. Причем, если постструктурализм скорее следует рассматривать как негативную теорию, главной задачей которой являлось «расшатывание» модернистского мировоззрения, то вырастающие на его базе постмодернистские концепции уже ставят перед собой другие цели, а именно, преодоления негативного пафоса постструктурализма и формулирование позитивных предпосылок нового видения мира, что оказалось не так просто, как хотелось бы апологетам постмодерна.

Исходя из этого, можно не согласиться с И. Ильиным, который, справедливо оценивая степень влияния постструктурализма на формирование идей постмодернизма, а также отмечая трудность их разграничения, предлагает ввести понятие «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс»[24]. Данный термин избыточен, более того, он не совсем удачен по той причине, что в нем объединяются разноуровневые и разноплановые понятия: постструктурализм – определенное течение в философском и социально-гуманитарном познании; деконструктивизм – критическая практика теорий постструктурализма; постмодернизм – общее выражение мировоззрения общества конца XX в.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что именно *хронологические неопределенности* в сочетании с *терминологическими двусмысленностями* создают главные трудности в интерпретации постмодернизма, заводя нас в лабиринт бесконечных амбивалентностей. Но этим проблемы, связанные с осмыслением этого «ускользающего» понятия, не заканчиваются. Объективная оценка постмодернизма осложняется тем, что он *принципиально не завершен*, да и не может быть завершен в силу того, что он выражает мировоззрение настоящего времени. Довольно затруднительно непредвзято рассматривать мировоззрение исторической эпохи,

[24] См.: *Ильин И.П.* Постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс // Современное зарубежное литературоведение / под ред. И. Ильина и Е. Цургановой. С. 114–117.

которая находится в стадии становления, постоянного изменения и корректирования направлений развития. Мы чересчур включены в эти социальные процессы, чтобы окончательно и беспристрастно их оценить.

Еще одно затруднение, возникающее в процессе поиска выхода из неопределенности постмодернизма, связано с его *поливариантностью*. Постмодернизм не представляет собой единую, целостную теорию. Только в области философии он включает в себя широкий спектр различных по своей направленности идейных течений, среди которых наряду с постструктурализмом Ж. Деррида, М. Фуко, Ж. Делеза, Р. Барта можно выделить французскую «новую философию», представленную Б.А. Леви и А. Глюксманом и др.; непосредственно исследователей постмодернизма, таких как Ж.Ф. Лиотар, Ж. Бодрийяр, Ф. Джеймсон, И. Хассан, З. Бауман, В. Велш, О. Марквард, А. Кроукер, Д. Кук и др.; а также близкие по духу к постмодернизму взгляды Р. Рорти и социологические теории Д. Белла и Э. Тоффлера. При этом следует заметить, что различные версии, даже если они являются альтернативными, не взаимоисключают друг друга, скорее наоборот, признают законность претензий каждой из них на равноправное сосуществование.

Так или иначе, большое количество вариаций постмодернизма (а приведенный список можно расширить за счет привлечения примеров из областей науки и искусства) затрудняет выработку единой дефиниции данного явления. Как иронично замечает В. Новиков, концепций постмодернизма, по-видимому, столько же, сколько имеется университетов, а, может быть, и столько, сколько там работает профессоров[25]. Такая ситуация – одна из причин бесконечных споров о том, что такое постмодернизм; причем насколько бесконечных, настолько и безрезультатных: никому не удается дать его четкое определение, хотя трудно отрицать, что постмодернизм существует, развивается и при этом обладает характерными чертами и признаками. Быть может, определить какой-либо феномен – значит упростить его, ограничить? Или же «всегда остается зазор между термином и явлением и в конечном объективно-историческом счете постмодернистами могут оказаться и те, кто себя таковыми не считали»[26]. Собственно говоря, чертой, отличающей постмодернистское мировоззрение, является осознание исчерпанности возможностей модернистского мышления; более того, тот, кто говорит о постмодерне, сам не желая того, признает, что с идеологией модерна не все в порядке. Так, например, последний из великих апологетов проекта модерна Ю. Хабермас, вступая в дискуссию в качестве непримиримого противника

[25] *Новиков В.И.* В поисках определения // Постмодернизм и культура: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. М., 1993. № 3. С. 8.
[26] Там же. С.8.

постмодернизма, оказывается в результате включенным в постмодернистский дискурс, ибо даже им овладевает озабоченность тем, что проект модерна дискредитирован.

Конечно, здесь существует соблазн распространения постмодернизма на всю современную реальность и тем самым превращения последнего в тотализирующую концепцию, претендующую на единственно верное объяснение мира. Несмотря на плюралистичность и недоверие к общим идеям, в постмодернизме потенциально имеется возможность превращения как раз именно в такую общую идею, что будет противоречить его исходным принципам и установкам. В связи с этим заслуживает внимания мнение И. Ильина: «Как и всякая теория, претендующая на выведение общего знаменателя своей эпохи на основе довольно ограниченного набора параметров, постмодернизм судорожно ищет подтверждения своим тезисам везде, где имеются или предполагаются признаки, которые могут быть истолкованы как проявления духа постмодернизма. При этом частным и внешним явлениям нередко придается абсолютизирующий характер, в них видят выражение некого духа времени, определяющего все существующее. Иными словами, постмодерном пытаются объяснить весь современный мир, вместо того чтобы из своеобразия этого мира вывести постмодернизм как одну из его тенденций и возможностей»[27]. С такой точкой зрения трудно не согласиться, и постмодернизм не должен ставиться выше реальности, которую он описывает, а реальность всегда богаче любой, даже самой обширной и многогранной, теории. Но тем не менее нельзя не признать, что концепции постмодернизма достаточно адекватно описывают современное состояние общества, передают широко распространенное умонастроение, вызванное одновременным ощущением свободы и пустоты. Как отмечает известный сторонник постмодернизма В. Велш, «в целом необходимо иметь в виду, что постмодерн и постмодернизм отнюдь не является выдумкой теоретиков искусства, художников и философов. Скорее дело заключается в том, что наша реальность и жизненный мир стали постмодерными. В эпоху воздушного сообщения и телекоммуникации разнородное настолько сблизилось, что везде сталкивается друг с другом; одновременность разновременного стала новым естеством. Общая ситуация симультанности и взаимопроникновения различных концепций и точек зрения более чем реальна. Эти проблемы и пытается решить постмодернизм. Не он выдумал эту ситуацию, он лишь только ее осмысливает»[28].

Завершая обзор различных интерпретаций постмодернизма, попытаемся определить смысл этого «ускользающего» понятия. Постмодернизм следует толковать как *специфическое мировоззрение, получившее распространение в конце XX в., главной*

[27] *Ильин И.П.* Постструктурализм: Деконструктивизм: Постмодернизм. С. 202.
[28] Там же. С. 203.

отличительной чертой которого является плюрализм, т.е. допущение одновременного сосуществования разнообразных точек зрения. Именно принцип плюрализма является фундаментальным для осмысления постмодернизма и его реальных импликаций на трансформацию идентичности постмодерного человека. Из идеи всеобщей плюралистичности вытекают такие производные характеристики постмодернистского мировоззрения, как *фрагментарность, децентрация, изменчивость, контекстуальность, неопределенность, ирония, симуляция*.

Завершая путь в лабиринтах постмодернизма и еще раз подчеркивая всю противоречивость этого феномена, постараемся избежать крайностей в его оценке. Не следует панически бояться постмодернизма, видеть все связанное с ним в черном цвете, уподобляясь печально известной прорицательнице Кассандре; в то же время нельзя восторженно принимать то, что он нам несет, видя все в розовом цвете, подобно восторженному Панглоссу. В предложенной интерпретации постмодернизм понимался не как некая «химера», сочетающую в себе несоединимое – «лев головою, задом дракон и коза серединой», – а как непосредственное отражение реальных, хотя и противоречивых и не вписывающихся в привычные рационально мыслимые рамки процессов, происходящих в современном фантастически сложном обществе.

Все споры и разногласия по поводу затерянной в лабиринтах ускользающей сущности постмодерна, все терминологические двусмысленности также свидетельствуют о том, что «постмодерный лик современности» сложился еще в далеко не полной мере. Как иронично заметил З. Бауман, спорить надо не о том, какими являются времена, в которые мы живем, – еще современными (модерновыми), не совсем современными или уже совершенно «послесовременными» (постмодерновыми). Главное, считает он, описать этот мир как можно вернее и понять происходящее в нем, а уж потом снабдить биркой готовое изображение[29]. А пока мы смело можем утверждать, что с нашей современностью не все в порядке, что-то в ней переменилось, что-то ушло, а что-то пришло, но так или иначе мы более не живем в «современном» мире. Понимая это, мы подбираем новые эпитеты для характеристики происходящих изменений, но все они, следует признать, носят еще абстрактный, малосодержательный характер. Ввиду своей неспособности до конца осмыслить реальность сегодняшних дней мы не можем описать ее по-настоящему содержательными терминами. И поэтому неожиданно возникло состояние «постмодерн» в постхристианском мире постиндустриального общества с его постклассической или постнеклассической наукой и постструктуралистской

[29] См.: *Бауман З.* Спор о постмодернизме // Социологический журнал. 1995. № 4. С 133–154.

философией, постсоветским пространством, посткоммунистическими государствами и посттоталитарными режимами – в мире, «который еще не нашел, как определить себя в терминах того, что он есть, но уже знает, чем только что перестал быть»[30]. Или проще: наш постмодерный мир потерял свою идентичность, а вместе с ним идентичность потеряли и мы.

© Емелин В.А., 2010

[30] *Toulmin S.* The return to cosmology: Postmodern Science as the theology of nature. Berkeley, 1982. C. 254.